
КОНЦЕПЦИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО УСЛОЖНЕНИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Взгляд из России

В.В. Лапкин, В.И. Пантин

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Современная эпоха чрезвычайно динамична. Кто бы мог подумать в 2000 г., что всего через несколько лет США увязнут в Ираке, что Европа будет испытывать серьезные экономические трудности, что Европейская конституция не будет принята, что драматические эксцессы “конфликта цивилизаций” станут во многом определять повседневную жизнь не только “мировой периферии”, но и стран, причисляющих себя к “золотому миллиарду”, что мировая война с террором примет затяжной характер, а ее эскалация приведет к серьезному изменению нормативных представлений о демократическом правопорядке и т.д., и т.п.? В последнее время многие солидные западные авторы, в т.ч. З.Бжезинский [Бжезинский 2004], Ф.Закария [Закария 2004], У.Хаттон [Хаттон 2004] и Э.Тодд [Тодд 2004], с тревогой пишут о потенциальных последствиях возможного в не столь уж далеком будущем заката доминирования США, о судьбах глобального лидерства в эпоху новой “великой трансформации”. Перед лицом надвигающейся экономической, социальной и политической дестабилизации мира обостряется потребность в эффективных методах анализа и прогнозирования мирового развития, сложность и динамичность которого, как сейчас уже многим очевидно, девальвирует методы простой линейной экстраполяции выявленных локальных трендов. В связи с этим возникает необходимость в разработке такой методологии прогнозирования глобальной динамики, которая бы учитывала сложность, нелинейность и динамизм современной эпохи, концентрировала бы внимание на “особых точках” развития, маркирующих изменение вектора общественного движения, целей и приоритетов мирового сообщества, его представлений о самом себе.

157

Работы Дж.Модельски (перевод одной из них был недавно опубликован в “Полисе” [см. Модельски 2005а,б]) вызывают интерес по целому ряду причин. Во-первых, в них содержится методологически обоснованная постановка проблем, связанных с коэволюцией мировой политики, формирующейся в ее рамках глобальной политической системы и образующих эту систему государств-политий. В основе подхода Модельски лежит представление о том, что эволюцию отдельных политий (в частности — российской) невозможно понять вне контекста эволюции мировой политики и глобальной политической системы. Иначе говоря, при изучении эволюционных изменений в американской, японской, китайской или, скажем, российской

политической системе нельзя ограничиваться анализом внутривнутриполитических факторов, следует учитывать и изменение функциональной роли соответствующей политики в мировой политической системе, а также воздействие на нее других центров политической силы. Сегодня, в эпоху глобализации, правомерность такой постановки вопроса не вызывает сомнений.

Во-вторых, предлагаемая Модельски трактовка мировой политики — это модель длительного и сложного эволюционного процесса, механизмом которого являются длинные циклы. Американский исследователь рассматривает современное состояние мировой политики как определенный этап становления и развития глобальной политической системы, охватывающей все регионы мира. При этом в центр своего теоретического анализа он ставит предельно актуальную и активно обсуждаемую на Западе проблему взлета и падения мировых держав, фокусируя внимание на тех глобальных и внутривнутриполитических факторах, которые обуславливают эти взлеты и падения. Очевидно, что такой угол зрения, имеющий прямое отношение к перспективам сохранения политической гегемонии США в современном мире, весьма значим для России и ее политического самоопределения в условиях глобализации.

В-третьих, идеи и рассуждения Модельски в целом развивают и дополняют складывающиеся сейчас представления о глобальном и универсальном характере мировой политической истории, что в известном смысле корректирует установки традиционной геополитики и теории международных отношений. Выход за рамки отдельных наций-государств в сферу глобальной политической истории* диктуется необходимостью исследования тенденций эволюции мировой политической системы, которая обладает собственными закономерностями, формирующими (по выражению Дж.Модельски) своего рода “календарь мировой политики” и во многом определяющими “повестку дня” политического развития конкретных стран.

Наконец, ключевой составляющей структурно-функциональных моделей мировой политической системы и механизма длинных циклов в концепции Модельски является различие между “мировым лидером” и “челленджером”, т.е. государством, бросающим лидеру вызов, оспаривающим его глобальное первенство. На протяжении всего рассматриваемого им периода циклической эволюции глобальной политики он прослеживает две базовые последовательности политической преемственности: мировых лидеров (Португалия — Нидерланды — Великобритания — США) и “челленджеров” (Испания — Франция — Германия — ?). Элементом каждой из названных последовательностей присущи специфические качества, которые и позволяют им возвыситься до положения лидера или, соответственно, “челленджера”. Фиксация этих двух принципиально разных типов глобального политического лидерства эпохи Нового времени — чрезвычайно важный шаг на пути теоретического осмысления самого феномена политического развития.

* Глобальная политическая история — новое направление на стыке истории и политической науки, которое изучает развитие крупных региональных политических образований и мировой политической системы в целом [см., напр. Ионов 2002; Лапкин, Пантин 2004].

К сожалению, спорность выбора отдельных элементов выделенных последовательностей (например, Португалии в качестве родоначальницы “лидерской” последовательности), концептуальная “лакуна” на месте сегодняшнего “челленджера” и слабая проработанность вопроса о механизмах преемственности как в развитии мировой политической системы в целом, так и в каждой из последовательностей несколько снижают значимость данного варианта концептуализации глобальной политической эволюции. Вызывает вопросы и сам механизм ротации “глобального лидерства”. Так, исходным постулатом концепции Модельски выступает тезис “о наличии в глобальной политике последних пяти столетий функции лидерства, осуществляемой последовательно сменявшимися друг друга нациями-государствами”, которые отбираются на лидирующую позицию в ходе длинных циклов “накопления опыта” [Модельски 2005а: 63, 65]. Однако есть основания усомниться в существовании подобного отбора. Отбор предполагает как минимум нескольких претендентов. Но ни эмпирические наблюдения, ни теоретический анализ этого не обнаруживают. У зрелого “мирового лидера” (если пользоваться терминологией Модельски*) всегда имеется “преемник”, которого он (более или менее успешно) готовит себе на смену (у Нидерландов таковым была Англия; у Великобритании — США; у США с конца 1940-х годов — восточноазиатско-тихоокеанский регион, центрируемый Японией). Только у этого преемника есть шанс стать будущим лидером. Только он — единственный — оказывается подготовлен к тому, чтобы в нужный момент в полной мере принять на себя функцию и ответственность (связывающие обязательства) глобального лидерства. Претензии “челленджера” никогда не реализуются и не могут быть реализованы в принципе (да и возникают они лишь в определенные, “неблагоприятные” для лидера фазы мирового цикла, когда потенциал лидерства временно ослаблен). Более того, такого рода дублирование, требующее дополнительной передачи значительной доли глобальных ресурсов в распоряжение нескольких претендентов и, соответственно, изъятия их у прочих потенциальных субъектов мирового развития, выглядит чрезмерно расточительным для весьма экономной системы глобальной социально-политической эволюции и потому крайне маловероятным даже в теоретическом плане.

Методологически дискуссионны и предлагаемые Модельски ретроспективные оценки ранних этапов эволюции глобальной политики. Выделяемые им “необходимые условия” глобального лидерства неоправданно перегружены “модными” политическими принципами середины-конца XX в.: “открытое общество”, “демократический потенциал”, “опыт свободы слова”, “сильные, активные СМИ”, “чувствительность к глобальным проблемам” и т.п. [Модельски 2005а: 73]. Сомнения в адекватности этих условий-требований возникают не только в случае Португалии XV– XVI вв., но и применительно к Великобритании XIX в. Трудно избавиться от ощущения, что, провозглашая сегодняшние консенсусно признаваемые “добродетели” мирового гегемона необходимыми условиями глобального лидерства вообще, Мо-

* В своих работах мы используем понятия “центр-лидер” и “противоцентр” [см. Лапкин, Пантин 1999; 2004].

дельски подспудно пытается оправдать и теоретически “освятить” современные структуру и принципы миропорядка (пресловутый *Rex Americana*). Позже он, правда, делает оговорку: “Мы знаем, что в качестве феномена современной эпохи ‘демократия’ начала свой путь только в середине XIX в. Это означает, что *западноевропейская эра глобальной политики, на которой по большей части строится наш анализ* (а также — во многом — традиционные теории международных отношений), *в действительности не дает нам четких примеров демократических сообществ, послуживших основой глобального лидерства... Даже Британия, с ее либеральным обществом и начавшим складываться уже с 1688 г. парламентским режимом, не была подлинно демократической в наиболее плодотворные периоды своего участия в общемировой жизни*” (курсив наш — *Авт.*). И тем не менее настаивает: “На принадлежность глобальных лидеров к этому (демократическому — *Авт.*) ‘роду’ указывает их демократический потенциал, т.е. набор черт, благодаря которым они имели лучшие шансы, нежели их конкуренты, на поступательное развитие в направлении внутренней свободы и открытости вовне” [Модельски 2005а: 75].

Недоумение вызывает и риторика, адресованная “челленджерам”: “Не пора ли им раз и навсегда отказаться от неверного пути и выбрать новый?” [Модельски 2005а: 80]. На наш взгляд, такой вопрос выдает неготовность исследователя к восприятию эволюции мировой политики как системы. В представлении Модельски, похоже, есть хорошие, правильные, разумные игроки (лидеры) и игроки плохие, действующие неправильно и неразумно, “пользующиеся заведомо непригодными для достижения поставленных ими целей рецептами” [Модельски 2005а: 80], главным результатом бурной деятельности которых оказываются “глобальные войны”. Другими словами, “плохим парням” надо стать “хорошими”, осознать бессмысленность собственного упорства в отстаивании права на альтернативу, и тогда все болезненные проблемы мирового развития будут окончательно устранены... Но ведь, как следует из рассуждений самого Модельски, функции “мирового лидера” и “челленджера” в процессе мировой эволюции взаимосвязаны и дополняют друг друга, составляя неразрывную целостность. “Челленджер” выполняет в рамках глобальной системы ту работу, которую не может выполнить лидер (в силу функциональной неприспособленности к ней), и наоборот, лидер делает то, что не по силам “челленджеру”. Иначе мировая эволюция происходить пока не может, и апелляции к “сознательности” тут совершенно ни при чем.

Вместе с тем само использование длинных циклов как аналитического инструмента при исследовании мировой политики кажется нам чрезвычайно плодотворным. Несмотря на довольно широко распространенный скепсис в отношении циклических теорий (во многом обусловленный чрезмерным энтузиазмом некоторых адептов таких теорий), можно констатировать, что выявление циклов, ритмов и волн социально-политического развития позволяет взглянуть на историко-политический процесс как на единое целое и увидеть новые его стороны и моменты. Однако подобный подход обладает эвристической ценностью лишь в том случае, если он дает реальное приращение знания об исследуемом предмете, включая прогноз его будущего поведения, а не просто классифицирует уже известные факты. Длинные циклы Модельски, безусловно, отвечают этим критериям. В то же

время по поводу некоторых методологических положений его концепции можно и, по-видимому, нужно дискутировать. Предметом дискуссии должны стать, в частности, ее исторические рамки, ее вклад в понимание сущности современности и социально-политической эволюции, ее прогностический потенциал и многое другое. Наличие в ней целого ряда спорных моментов, не вполне оправданных упрощений, а иногда и сомнительных выводов создает дополнительные стимулы к такой дискуссии.

ПРЕДЫСТОРИЯ, ИСХОДНЫЙ ПУНКТ И ЭТАПЫ ЗАРОЖДЕНИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Определение “начала” формирования мировой политической системы имеет важное теоретическое значение, ибо от выбора “отправного момента” во многом зависят представления об основных этапах и тенденциях эволюции мировой политики. Речь идет не столько об уточнении датировки конкретных процессов и событий, сколько об исследовании необходимых логических и исторических предпосылок становления сложной, внутренне дифференцированной, но все же единой мировой политической системы. Большинство западных исследователей (в частности, И.Валлерстайн, П.Кеннеди, Дж.Гольдштейн и Д.Паркер) “исходным пунктом” становления мировой политической системы считают XVI в., когда в результате великих географических открытий и ряда других событий началась глобальная экономическая, политическая и военная экспансия стран Западной Европы. Такая точка зрения, по сути, является “европоцентристской”, поскольку она явно или неявно строится на предположении, что все предшествующие процессы и события, в которых страны Западной Европы играли второстепенную роль, не имели отношения к формированию мировой политической системы. Модельски справедливо критикует эту точку зрения и обращает свой взгляд на Восток.

161

Вести отчет современности Модельски предлагает примерно с 1000 г., причем “началом современности в глобальном масштабе” ему видится “золотой век Китая” периода династии Сун. Именно с этого момента, утверждает он, можно говорить “о *зарождении мировой системы как системы глобальной* (и одновременно как *системы наций-государств*) в ходе процесса, которому еще только предстоит полностью развернуться” (курсив наш — Авт.) [Модельски 2005б: 125]. Подобное заключение представляется нам, мягко говоря, не вполне обоснованным. В начале второго тысячелетия Китай находился в лучшем случае на периферии системы мировых межцивилизационных и межкультурных обменов и был Срединной Империей (Поднебесной) лишь в собственных глазах. Еще больше вопросов вызывает упоминание в этом контексте “системы наций-государств”. Последние являются принципиальным “отрицанием” и “преодолением” политических принципов и практик, составляющих существо империй (к каковым относился не только Китай династии Сун, но и Португалия, Испания и — на первых порах — Великобритания с Францией). Собственно система наций-государств стала формироваться лишь с середины — конца XVII в. Ввиду всего вышесказанного основания авторской датировки “начала отсчета современности” требуют более досконального анализа.

Существо аргументации Модельски сводится к следующему. Согласно введенной им классификации “эр глобальной системы” протяженностью 450-500 лет каждая, в период с 930 по 1420 г. (“эра евразийского транзита”) в сунском Китае сформировался “первый серьезный импульс к созданию современной организации”, который посредством империи монголов был затем транслирован по “коммуникационным сетям мировой системы” (коими в ту пору выступали евразийские шелковые пути) в Италию эпохи Возрождения [Модельски 2005б: 126-127]. Так Европа приобщилась к ключевым инновациям современности, так началось ее стремительное геополитическое восхождение.

В этой аргументации сочленяется целый ряд весьма спорных суждений, по каждому из которых стоит дать хотя бы краткое разъяснение. Попробуем разобраться. Во-первых, неясно, почему именно 1000 г. оказался тем рубежом, после которого у людей “вдруг” появились и средства, и желание упорядочить, наконец, всю планету [Модельски 2005б: 131]. И тут не спасают запоздалые оговорки насчет более ранних прецедентов (Александр Македонский и др.). Желание, выходит, было всегда. Средств, к счастью, не хватает и сегодня (хотя некоторым на “непристойно” богатом Западе кажется, что их уже достаточно).

Во-вторых, таким ли уж “современным” был сунский Китай? Необходимо учитывать, что, успешно объединив (более чем за тысячу лет до рассматриваемого Модельски периода) в единой цивилизации практически все ресурсы Восточной Азии, Китай обрек себя на “стратегическую западню”: в течение многих последующих столетий он пребывал в глубокой торговой, культурной и политической изоляции от других крупнейших мировых центров. Истоки такой изоляции крылись не только в огромном пространстве гор, пустынь и степей к западу от “китайского мира”, но и в том, что очаги цивилизаций-посредниц (возникавшие время от времени в Монголии, Кашгаре, Синьцзяне, Средней Азии и Нижнем Поволжье), обеспечивавших обмена Китая с цивилизациями Среднего и Ближнего Востока, а также Средиземноморья, так и не смогли сформировать устойчивые каналы межцивилизационного общения и стать историческим орудием концентрации образующихся в ходе таких обменов богатства и власти*. В итоге вплоть до конца XIX в. Китай оставался своего рода “цивилизационным изолятом” мировой истории, и многие уникальные (для того времени) качества его цивилизации не получили развития. Более того, сам он на многие столетия превратился в “приз” в противоборстве сперва “варварских” орд (киданей, чжурчженей, монголов, маньчжуров), а с XIX в. — “варварского” западноевропейского купечества (голландского, португальского, британского и т.д.).

В-третьих, являлись ли шелковые пути тем каналом, который мог обеспечить трансляцию ключевого для глобальной истории импульса развития? Значимость шелковых путей велика, но это были нити, соединявшие структурно дифференцированный и обладавший гигантскими накоплениями (в

* Чингизиды (Хубилай), а затем Тимур сделали попытку двинуться в этом направлении, но их усилия очень скоро иссякли и исторически значимым качественным прорывом не завершились.

культуре, политике, экономике, общественном устройении) мир средиземноморско-ближневосточной торговли с фактически автономно существовавшим миром Поднебесной. При благоприятном стечении обстоятельств эта связь в принципе могла привести к эффективному сближению двух миров и их “рыночной интеграции”*. Но потенциал обеих систем оказался недостаточным, чтобы обеспечить устойчивые, регулярные и интенсивные обмены по сухопутным трансконтинентальным торговым путям и их положительную динамику. Безусловно, некоторые ключевые инновации (которые, кстати, Китай отнюдь не жаждал поделить с “варварами” Средиземноморья) были успешно позаимствованы арабами и европейцами (прежде всего такие, как порох, бумага, компас и шелководство). Но решающим фактором, определившим последующий рост экономики городов Северной Италии, стала их способность к усвоению, совершенствованию и распространению новейших для того времени организационных форм финансовых расчетов, торгового обмена и производства, непосредственно ориентированного на нужды “дальней (морской) торговли”. И учителями североитальянских городов-республик в этих вопросах был отнюдь не далекий и почти неведомый Китай, а Ближний (исламский) Восток и Византия.

Наконец, в-четвертых, столь важные для авторской концепции усилия монголов по построению мировой империи были таковыми лишь для самих монголов (точнее — для континентальной торговли, эксплуатирующей производительные ресурсы Поднебесной, а также для “варварских” стран на периферии Великой Степи). С позиций же всемирной исторической перспективы монгольская экспансия выглядит не более чем отчаянной попыткой, пройдя по следам гуннов, преодолеть роковую изоляцию Восточной Азии от других центров цивилизации. С этой точки зрения стремление монголов установить контроль над Великой Степью имело хотя и существенное (с учетом его реальных итогов), но все же периферийное значение для мирового развития. Их ресурсы потестарного господства были довольно скромными и явно недостаточными для построения мировой империи.

Попытки “выстроить глобальную политическую структуру на базе имперских моделей классической эпохи” [Модельски 2005б: 126] предпринимались задолго до монголов (еще в античную эпоху), как, впрочем, и после них (турки-османы, Наполеон, Третий рейх, Третий Интернационал и т.п.)**. Однако именно усилиями Александра Великого и римлян (а отнюдь не империи Сун, Юань или Мин) были воплощены в жизнь “имперские модели классической эпохи”. Китай же не дал миру ни образцов эффективной военной организации, ни системы управления внешними колониями, способствующей развитию торговли; успешен он был лишь в делах внут-

* Сколько-нибудь длительная “имперская” (политическая) интеграция едва ли была возможна (в этом смысле показателен опыт державы Александра Великого), к тому же она с высокой степенью вероятности обрекала на разрушение по крайней мере одну из двух объединявшихся систем.

** Примечательно, что стремление к имперскому мировому господству обнаруживают не только “челленджеры”, но и мировые лидеры (общепризнанные эталоны демократии, открытости и толерантности, по Дж.Модельски), особенно в фазе заката их глобального могущества (например, Великобритания в конце XIX — начале XX в. и США в наши дни).

ренного бюрократического администрирования, облегчавшего его собственную “колонизацию” вторгавшимися извне “варварами”, присвоение ими его экономических и политических ресурсов. Поэтому монголы обустроивали контролируемое ими евразийское пространство хотя и с привлечением ресурсов бюрократического Китая, но совсем не по рецептам “классических моделей”, и “несостоятельность” предпринятой ими попытки лишь раззадорила их последователей и могильщиков (таких, как Тимур и османы). При этом развитие “мировой системы” направлялось (и по сей день направляется) вовсе не прозрениями тех, кто понял несостоятельность прежних стратегий, а стихийной реакцией на “неожиданные” для современников последствия столь же стихийных действий акторов мировой политики. Ни о каком сознательном преодолении “моделей классической эпохи” речь не шла в принципе. Тем более курьезным выглядит стремление связать распад монгольской державы с кризисом североитальянской торговли, обусловленным успехами турок-османов, или с катастрофической эпидемией чумы, которая за сотню лет до этого была занесена в Европу из Кафы (Феодосии) генуэзцами, подвергшимися “бактериологической диверсии” со стороны союзников тех же турок-османов.

В мировой истории все, безусловно, взаимосвязано, и устойчивый архетип евразийской имперской геополитики, проявившийся в т.ч. и в устройстве мировой системы социализма образца 1950-х годов (т.е. до раскола между СССР и КНР и начала советского проникновения в страны “третьего мира”), подчеркнут автором верно. Но роль евразийского имперского проекта (“евразийского транзита”) в развитии мировой системы им существенно упрощена и одновременно преувеличена. Генетически Европа (в лице североитальянских городов-республик) как новый центр мировой системы наследовала отнюдь не Китаю эпохи династии Сун, но арабам и Византии, а в конечном счете — античному (римскому) миру. Именно опыт и наследие античности, переработанные, обновленные и восполненные в периоды арабского (VII — X вв.) и византийского (X — XII вв.) “Возрождений”, а отнюдь не “китайский опыт, перенесенный на итальянскую почву”, стали основой стремительного роста политического и экономического могущества Венеции, Генуи, Флоренции...

Итак, монгольская империя была далеко не первым и не самым успешным геополитическим образованием, пытавшимся объединить Евразию и создать универсалистские формы организации. Она в лучшем случае выступала в роли “челленджера” (или “противоцентра”, по нашей классификации), который своими разрушительными по отношению к прежнему миропорядку действиями создает условия для трансляции центра-лидера. И миссия “челленджера” не в том, чтобы самому стать центром-лидером, а в том, чтобы растратить свои ресурсы на разрушение старого, отжившего мирового порядка*.

* По логике же Дж.Модельски, политически неразвитый и экономически деструктивный имперский монстр (каковым была империя чингизидов) оказывается родоначальником глобального лидерства, отодвинувшим в историческое небытие реальных прародителей средиземноморско-ближневосточной мир-системы и каким-то чудесным образом сформировавшим из своего политического ничтожества устойчивый (на последующее тысячелетие!) механизм развития глобальной политики.

Парадоксально другое. Большинство западных исследователей (и Дж. Модельски здесь не исключение) почему-то упорно игнорируют тот вклад, который внесли в становление мировой политики и мировой политической системы Арабский халифат и образовавшиеся на его основе государства. Напомним, что в VIII — XII вв. исламский мир, объединявший Ближний Восток, Среднюю Азию, Северную Африку, часть Индии и даже часть Западной и Восточной Европы (Испания, Волжская Булгария), превосходил Европу в экономическом, технологическом, политическом и культурном отношениях. Именно Арабский Восток (наряду с Византией) был своеобразным “мостом” между античностью и средними веками, из которых выросло Новое время и эпоха модерна. Именно через арабов пришли в Европу памятники античной культуры, именно арабы развивали не только сухопутную торговлю, но и мореплавание, которое, согласно Модельски, играло важную роль в утверждении мирового лидерства. Именно они посредством “дальней торговли” и распространения новой мировой религии — ислама — впервые связали друг с другом Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Индию и Китай.

Какое значение имеют эти сюжеты для нашего изложения? Дело в том, что тенденции формирования и развития международной (а затем мировой) политической системы невозможно понять без уяснения основных этапов и логики ее генезиса, сопровождавшегося многократными перемещениями лидирующего центра политической и экономической силы. И если говорить о мировых политических лидерах (“исполнителях” процесса становления глобальной политики), то в начале второго тысячелетия в этой роли выступал не сунский Китай, но Арабский халифат; арабская, а не китайская морская торговля доминировала в Азии*. Арабский халифат в VIII — X вв., Византия в XI — XII вв., итальянские города-государства (Венеция в XIII — XIV вв. и союзы и конфедерации североитальянских городов в XV — XVI вв.) последовательно сменяли друг друга в качестве центров морской торговли и наиболее влиятельных центров политической и экономической силы. При этом по мере освоения новых регионов мира и их включения в международную торговлю происходило качественное изменение и эволюционное усложнение международной политической и экономической системы, которое вело к географическому смещению центра-лидера.

Ограниченность предложенной Модельски трактовки исторических этапов складывания и развития мировой политической системы приводит к тому, что длительный период политического и экономического доминирования Востока в Евразии (период лидерства Арабского халифата и Византии) по существу выводится за скобки, и кроме Сунской империи в списке мировых лидеров оказываются лишь западные политии. Но можно ли говорить о по-настоящему глобальной политике и мировой политической системе, если на всем протяжении истории ее центрами и движущими силами выступают почти исключительно страны Запада, территория и население которых

* Характерно, что в период наивысших (по оценке Модельски) успехов Китая в мореплавании (вторая половина XIII в., монгольская династия Юань) не дала результатов ни одна из его морских экспедиций (в Японию, во Вьетнам, в Бирму, на Яву) с целью расширения своих владений.

весьма незначительны по сравнению со странами Востока? Не происходит ли в действительности чередование эпох доминирования Востока и Запада? Не являются ли отмечаемые многими современными исследователями [см., напр. Перес 1994; Frank 1998; Неклесса 2001] тенденции к “ориентализации” мировой политики и мировой экономики результатом этого гораздо более долговременного исторического “мегатренда”? От ответов на эти вопросы зависят не только подходы к анализу этапов становления мировой политической системы, но и определение перспектив ее развития в будущем.

ЗАРОЖДЕНИЕ МОДЕРНА И ФЕНОМЕН 1500 Г.

“В чем причина того, что примерно с 1500 г., а не раньше, центром... событий стала Западная Европа? ...Почему эти ‘взлеты и падения’ (держав в ‘круговороте’ циклов глобального лидерства — *Авт.*) начались в 1500 г. и как долго они могут продолжаться? ...С какого момента следует вести отсчет этого процесса?” [Модельски 2005б: 124]. Вопросы, которые ставит Модельски, далеко не праздные. Однако в рамках его концепции ответы на них заранее предreshены, поскольку именно они образуют тот фундамент, на котором строятся все исчисления последующих длинных циклов эволюции глобальной политики и смены глобального лидерства. Вкратце эти ответы состоят в следующем: примерно с 1420 г. мир вступил во вторую, “западноевропейскую”, эру глобальной системы, “в ходе которой несколько наций-государств образовали ядро глобальной организации”, и данный процесс “инициировали португальцы” [Модельски 2005б: 128]. При этом выбор в качестве точки отсчета 1500 г. объясняется тем, что “сообщение между различными частями света на регулярной основе, постоянный меж-океанский обмен и торговля, не говоря уже о глобальных политических структурах, до 1500 г. просто отсутствовали” [Модельски 2005б: 125].

166

Подобные ответы на принципиальные вопросы глобальной политической эволюции являются, на наш взгляд, слишком простыми и в своей попытке “спрямить” логику истории фатально деформирующими ее. Начнем с тезиса об отсутствовавших до 1500 г. “глобальных политических структурах”. По-видимому, здесь имеется в виду в первую очередь то, что до начала XVI в. отсутствовало представление о “глобусе”, о шарообразности земного пространства. Однако представления об известном мире, об эйкумене были распространены в соответствующем межнациональном, межкультурном и межэтническом торговом сообществе еще в античную эпоху (а скорее всего — и задолго до нее). Иными словами, некий смысловой аналог “глобальной политики” Нового времени существовал уже многие века и даже тысячелетия, и приведенные суждения Модельски лишь выдают его западнцентричную установку, отрицающую какую-либо историю до того, как Запад пробудился к цивилизации*. Аналогичным образом, упор на “морскую мощь”, “наличие военных флотов, располагающих сетью эскадр и баз” [Модельски 2005б: 125; см. также Модельски 2003: 458], чего якобы прежде не было, игнорирует опыт Рима, выстроившего свою империю пу-

* В данном контексте признание им элемента преемственности от сунского Китая выглядит не более чем данью экзотике и сиюминутной политической конъюнктуре.

тем утверждения контроля над морскими коммуникациями Средиземноморья и ликвидации военно-торговой монополии греков и карфагенян.

Противоречит многим фундаментальным фактам истории и заявление о том, что начало становлению западноевропейской системы наций-государств было положено в первой половине XV в. Португалией. И в Португалии, и в ее “соседке” по Пиренейскому полуострову Испании процесс образования нации-государства затянулся на долгие столетия, а сами они “застряли” на постимперской стадии развития вплоть до XX в. А в XV — XVI вв. и Португалия, и Испания представляли собой складывавшиеся на волне реконквисты, но экономически и политически крайне неэффективные колониальные империи, которые расточали свой человеческий потенциал (поначалу казалось — избыточный, но в действительности, как выяснилось позднее, довольно скудный) в борьбе за заморские колонии. “Новые земли”, которые португальской и испанской коронам удалось обрести благодаря использованию навыков судоходства и навигации итальянских и арабских мореходов, обусловили формирование в этих “великих колониальных империях” зависимой, узкоспециализированной и непроизводительной экономики, стратегически неперспективной и политически весьма уязвимой. “Век” португальского триумфа продлился недолго, и уже с конца XVI в. Португалия попала под власть Испании, а еще столетие спустя фактически оказалась под протекторатом Великобритании. Испания тоже не сумела воспользоваться теми неслыханными богатствами, которые добыла в Новом Свете. Как и всякая несовременная империя (включая Китай династии Сун) она по сути дела стала “ресурсом” для более эффективных политических субъектов: в торгово-промышленном и финансовом отношениях — для Нидерландов, в имперско-ресурсном — для “Священной Римской империи”.

167

1500 г., безусловно, был рубежным с точки зрения вступления человечества в эпоху великих географических открытий. Именно тогда мир преимущественно средиземноморской экономики и политики открыл для себя океанские просторы (а европейский мореплаватель в прямом смысле слова вышел на эти просторы из Средиземного, Балтийского и Северного морей) и тем самым обрел глобальную перспективу. Но этот рубеж никак нельзя считать (как это делает Модельски) моментом рождения морской торговли и военно-морских операций. Изменился их масштаб, изменилось качество. Но это и есть эволюция.

Возвращаясь к проблеме зарождения модерна, целесообразно вспомнить соображения, высказанные еще К.Поланьи [Поланьи 2002]. Эпоха Великих географических открытий, резко усилившая социально-экономическую поляризацию Европы за счет вовлечения в оборот “дальней торговли” новых колоссальных ресурсов “географически обусловленного разделения труда”, фактически спровоцировала Реформацию (как своего рода стихийное социальное движение, направленное на разложение прежних социальных институтов). Но не это было необычным, и не в этом сокрыта тайна рождения Нового времени. Уникальной стала социально-политическая реакция Западной Европы на сформировавшийся вызов (точнее, один из вариантов такой реакции, ибо наряду с ним существовал и консервативный, не выходящий за рамки прежней имперско-феодально-теократичес-

кой парадигмы, — Контрреформация). Речь идет о развернувшихся в ряде регионов Европы процессах общественно-политической консолидации на национально-государственной основе (Швейцария, Нидерланды, Англия, Швеция). Эта новая консолидация позволила Европе выйти из кризиса XVI в. по нетрадиционной траектории и максимально эффективно использовать эволюционный импульс, заданный революционными преобразованиями миропорядка в эпоху Великих географических открытий. Именно этот прорыв обозначил начало новой экономики, “экономики товарно-денежного богатства”, которая, если верить Поланьи, имеет принципиально иное происхождение, нежели “традиционная” экономика локальных или даже национальных рынков, но которая, встраиваясь в циклы (кругообороты) функционирования “старой экономики”, постепенно становится ее управляющим элементом, а затем и полным хозяином*.

Что же касается перелома XVI в., то здесь стоит отметить еще одну его черту, ускользнувшую от внимания Модельски: наличие ганзейского проекта морской (торговой) экспансии Западной Европы. Выскажем предположение, что открытие Америки, ставшее побочным продуктом поиска морских путей в Индию, обусловило упадок “северо-восточного” проекта такой экспансии (а заодно и периферийную роль Московской Руси в мировой политике**). Более радикальное “атлантическое решение” коренным образом изменило сам характер имперского компонента западноевропейской политики. По существу произошла эмансипация передовых торговых держав от неперемнной прежде континентальной составляющей: морская (точнее — заморская) трансокеанская торговля превратилась в ключевой инструмент формирования имперской мощи, а само пространство экспансии стало глобальным, не стесненным “континентальными узами”. И именно в этом смысле “открытие Америки” предопределило переход к модерну как новому качеству эволюции общества.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Как уже говорилось, отличие Модельски от большинства западных исследователей заключается в том, что в своем анализе мирового политического развития он исходит из наличия длинных циклов мировой политики. При этом циклы, которые рассматривает Модельски, бесспорно являются *эволюционными* и представляют собой не внешнюю форму, а внутренний механизм глобального политического процесса: “...Длинные циклы глобальной политики есть нечто большее, нежели простой ‘круговорот’ великих государств... они не сводятся к взлетам и падениям мировых держав... В соответствии с нашей аргументацией, они обладают глубоким смыслом и

* Заметим, что точно такой же путь проделала позднее рыночная экономика коммерциализованного машинного общества (в привычной нам терминологии — экономика промышленного капитализма), вступившая в симбиоз, а потом и полностью подчинившая своим целям ресурсы “экономики товарно-денежного богатства”.

** Но это позволило Москве выстоять в период Смуты конца XVI — начала XVII в. и ценой “выпадения” более чем на столетие из европейского культурного и политического контекста сохранить свою государственность и суверенность.

включены в более широкий всемирный процесс — процесс построения глобальной политики через стадии предпосылок, ядра и организации. Это и придает им долгосрочную значимость...” [Модельски 2005б: 131].

Выделение ритмов политического развития позволяет понять и проанализировать основные фазы эволюции исследуемой политической системы, в т.ч. и мировой (глобальной). Как показывает Модельски, в рамках каждого длинного цикла происходит качественное изменение и эволюционное усложнение международной политической системы, которая приобретает новые черты и поднимается на новый уровень развития, становится более интегрированной и динамичной. Другими словами, в мировой политике тесно переплетены циклическое и поступательное развитие, что предполагает прохождение сходных по форме, но различающихся по содержанию фаз и состояний.

К сожалению, Модельски нередко существенно “спрямляет” эволюцию глобальной политики. Так, главным и чуть ли не единственным вектором мирового политического развития для него является “демократизация” вкупе с систематическим “либеральным уклоном”. Между тем в реальности имеет место гораздо более сложное движение, включающее крупные потрясения, упадок прежних мировых лидеров, частичную хаотизацию мировой политики и периодические изменения самого вектора ее развития. Особо следует упомянуть роль противочленов (“челленджеров”), которая состоит как раз в дестабилизации прежнего, устаревающего мирового порядка и стимулировании радикальных изменений в глобальной политической системе.

Отметим, что феномену “челленджера” Модельски уделяет гораздо меньше внимания, чем случаю “мирового лидера”. Если для лидеров он прослеживает полный цикл (четыре фазы) подготовительного развития (“накопления опыта”), то специфика подготовки “челленджеров” по сути дела выносится им за скобки: “‘Отклонение’ [non-selection] челленджеров — такая же составляющая длинных циклов, как и отбор мировых лидеров, а потому здесь действуют все описанные выше закономерности” [Модельски 2005а: 78]. Не случайно Модельски не уверен в том, являлась ли Германия оппозицией США в первом цикле “постзападноевропейской эры” [Модельски 2005а: 64]. Не случайно также, что претензии России на роль “челленджера”, намечавшиеся было в первой фазе второго цикла “постзападноевропейской эры”, после распада СССР выглядят довольно проблематичными, особенно ввиду перспективы грядущей “глобальной войны” в фазе “макрорешения”, которую предстоит развязать сегодняшней державе-“челленджеру”. Как бы то ни было, экспертиза современного (после распада СССР) состояния глобальной системы и места в ней “челленджера” вызывает в рамках предложенной им концепции серьезные трудности.

Очевидно, что эвристическая ценность циклов эволюции международной политической системы состоит прежде всего в их прогностическом потенциале, в том, что они позволяют выявлять точки перехода данной системы из одной фазы эволюционного цикла в другую, свидетельствующие об изменении вектора мирового политического развития. Однако длинные циклы глобальной политики, которые использует в своем анализе Модельски, указывают лишь на некоторые хорошо известные переломные мо-

менты (причем выделяемые скорее эмпирически, нежели путем расчета исходя из параметров цикла): так, для последнего завершеного “постзападноевропейского” цикла ими предстают 1850, 1873, 1914 и 1945 гг. Остальные же критические точки мирового развития данного периода (например, 1897, 1921, 1929, 1933, 1937 и 1941 гг.) с помощью длинных циклов не выявляются. Низкая чувствительность метода к качественным сдвигам в процессе накопления промежуточных результатов глобальных трансформаций особенно очевидна применительно к текущему циклу — предсказываемые Модельски даты смены его фаз: 1973, 2000, 2026 и 2050 гг.

Но самым главным недостатком концепции Модельски, на наш взгляд, является лежащее в ее основе представление о практически неизменной продолжительности длинных циклов глобальной политики (а также всех четырех фаз этих циклов) [Модельски 2005а: 64]. В самом деле, можно ли согласиться с тем, что за тысячу лет, прошедших со времен империи Сун, темпы мирового политического развития несколько не изменились? Очевидно, например, что благодаря новейшим средствам передачи информации и ресурсных потоков, а также пресловутому “демонстрационному эффекту”, распространяемому вездесущими глобальными СМИ, политические институты и практики в современную эпоху эволюционируют гораздо быстрее, чем в эпоху средневековых теократических империй, базировавшихся на традициях и традиционном обществе. Между тем продолжительность длинных циклов, выделенных Модельски, колеблется от 100 до 130 лет без какой-либо тенденции к уменьшению. Это явное противоречие между теорией и практикой не находит адекватного разъяснения.

170

Сказанное отнюдь не означает, что выявленные Модельски длинные циклы глобальной политики не отражают реальных тенденций мирового политического развития. Скорее речь идет о том, что эти циклы хороши для самого общего описания развития глобальной политики, но недостаточны для понимания более конкретных закономерностей эволюции мировой политической системы. Они обращают внимание на принципиально важные аспекты мирового политического развития, на его эволюционный характер и циклический механизм. Однако динамика мировой политической системы — слишком сложное и многообразное явление, чтобы его можно было исчерпывающим образом описать с помощью одной или даже нескольких циклических закономерностей. Отсюда — необходимость дальнейшего углубления и методологически диверсифицированного дополнения представлений о ритмах нелинейной эволюции мировой политики и глобальной политической системы, цикличность развития которых не исключает, а, напротив, предполагает результирующее качественное усложнение и совершенствование.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Схема эволюции мировой политической системы, предложенная Модельски, несомненно, обладает определенным прогностическим потенциалом. Так, из нее следует, что в период между 2025 и 2050 г. мировая политика столкнется с неким “субститутом глобальной войны”. Поскольку Модельски писал рассматриваемую здесь работу еще в первой половине 1990-х годов, он не мог знать, что США и их союзники после 2001 г. форсируют глобальную

борьбу с международным терроризмом, а также будут вести военные действия против целого ряда стран, причисляемых ими к так наз. “оси зла”. Мир вступил в очередную фазу хаотизации и дестабилизации (хотя и сглаженную по своим проявлениям благодаря привлечению колоссальных системных ресурсов нынешнего лидера), и, как показывает опыт предшествовавших циклов, после прохождения этой фазы мировой порядок радикально изменится, причем такие изменения затронут не только мирового лидера, но и основные государства-политии. Можно полагать, однако, что кульминация событий придется на период 2010 — 2017 гг. и будет сопровождаться дальнейшим обострением глобальных экономических, социальных и политических противоречий, которое, в свою очередь, резко повысит вероятность возникновения новых глобальных конфликтов. Иначе говоря, события развиваются в предсказанном Модельски направлении, но со значительным опережением “графика” (а стало быть, если, следуя рекомендации Модельски, трактовать длинный цикл “как календарь мировой политики” [Модельски 2005а: 66], то придется признать, что его ключевые параметры нуждаются в уточнении).

В то же время, как уже отмечалось, концепции Модельски присуща тенденция к существенному “спрямлению” эволюции глобальной политики и даже к одностороннему выделению “магистральной” линии мирового развития, якобы ведущей к “глобальной демократизации и либерализации”*. В действительности же всеобщим, универсальным процессом является не демократизация как таковая, а политическая модернизация, представляющая собой весьма сложный, многоплановый и противоречивый процесс, который на некоторых этапах может приводить к утверждению не демократических, а авторитарных и даже тоталитарных режимов.

В результате прогнозы, вытекающие из схемы Модельски, оказываются слишком привязанными к ситуации 1990-х годов, линейно экстраполирующими ее на будущее и потому слишком благостными и оптимистичными с точки зрения перспектив политического доминирования Запада. Согласно этим прогнозам, гегемония США в мире “гарантирована” по крайней мере до 2050 г. Серьезной теоретической аргументации в пользу такого вывода не приводится и, по-видимому, не может быть приведено, поскольку в условиях ускоряющегося мирового развития уже прослеживаются явные признаки имперского перенапряжения Соединенных Штатов.

В ближайшие годы и десятилетия неизбежно продолжится уже начавшееся реструктурирование международной политической системы, сопряженное с нарастанием дисфункций в ее институтах и усилением кризисных явлений в самом центре-лидере — США. Вопреки своей собственной циклической концепции Модельски как бы “не замечает” будущих точек перелома, в которых изменится направление мирового политического развития, а вместе с ним — положение и статус различных центров политической и экономической силы. Между тем, если наше предположение о сокращении длительности эволюционных циклов мирового развития [см. Умов, Лапкин

* Впрочем, здесь Модельски не оригинален. Подобной позиции придерживаются многие современные американские исследователи неолиберального и неоконсервативного толка, подхватившие выдвинутую Дж.Бушем-мл. идею “глобальной демократической революции”.

1992; Пантин, Лапкин 2006] верно, то мировую политическую систему в скором времени ожидает целый ряд критических периодов, наиболее важные из которых придутся на 2005, 2009 — 2010, 2017 и 2025 гг. При этом, как следует из сопоставления соответствующих фаз циклов, особенно серьезные потрясения, затрагивающие всю мировую политическую систему, выпадают на период 2005 — 2017 гг. Прохождение очередной критической точки — 2005 г. — уже привело к росту кризисных процессов в Европе (прежде всего во Франции и в Германии) и обострению внутривосточной ситуации в США. Впереди, однако, не менее глубокие переломы и кризисы, к которым ведущие государства, включая США, пока не готовы ни в практическом, ни в теоретическом (т.е. с точки зрения понимания происходящего и формирования осмысленного ответа на вызовы истории) плане.

Так, в концепции Модельски, несмотря на детальное рассмотрение фаз длинного цикла глобальной политики (“определение повестки дня”, “построение коалиций”, “макрорешение” и “исполнение”), отсутствует описание стадий смены мирового лидера (вероятно потому, что в ее логике сама эта задача не выглядит актуальной, ибо содержание соответствующих стадий имплицитно заключено в универсальной “повестке дня” длинного цикла). Однако при изменении логики и признании того, что смена лидерства подготавливается в ходе взаимодействия “зрелого” и “молодого” лидеров, такое описание представляется необходимым. Вот его краткая схема.

Стадия 1. Появление и углубление социально-экономических и политических противоречий внутри прежнего центра-лидера, обусловленных недостаточностью его ресурсов и неэффективностью его институтов при решении возникающих глобальных проблем. Формирование и рост нового центра экономической и политической силы, обладающего более гибкой и динамичной системой мобилизации ресурсов и набором институтов, способных находить ответы на новые вызовы. (Примеры: Голландия и Англия во второй половине XVII в.; Великобритания и США во второй половине XIX в.)

Стадия 2. Дестабилизация международной политической системы, появление симптомов перенапряжения центра-лидера, вступающего в прямую конфронтацию с другими державами (в т.ч. с “челленджером”) и целыми цивилизациями. (Примеры: Голландия в конце XVII — начале XVIII в., втянутая в длительное противоборство с Францией; Великобритания в 1900 — 1918 гг., вынужденная противостоять Германии.)

Стадия 3. Политический и экономический надлом старого центра-лидера в результате его продолжительной борьбы с противником-“челленджером”. Начало перехода экономического и финансового лидерства к новому центру-лидеру. (Примеры: переход лидерства от Голландии к Англии в конце XVII — первой трети XVIII в. и от Великобритании к США между первой и второй мировыми войнами.)

Стадия 4. Окончательная утрата старым центром-лидером экономического, финансового, политического и военного лидерства при сохранении лидерства в отдельных областях науки и техники. Переход функций мирового лидера к новому центру политической и экономической силы. Превращение прежнего центра-лидера в придаток нового. (Примеры: Голландия с середины XVIII в.; Великобритания во второй половине XX в.)

В начале XXI в. мир вступил в первую стадию смены лидера и, возможно, уже входит во вторую. Отсюда — перспектива постепенной утраты США экономического и финансового лидерства при временном сохранении ими лидерства политического и военного. При этом в связи с усложнением мировой политической системы данный процесс может повлечь за собой более существенную, чем прежде, делегализацию функций лидерства и самого центра-лидера. В настоящее время уже очевидно, что мировая политическая система в ее современном “униполярном” виде слишком централизована и иерархизирована, чтобы по-настоящему интегрировать весь мир, все страны и цивилизации. Налицо устойчивая тенденция к определенному рассредоточению гегемонии и лидерства, которая способна привести к частичному размыванию самого института глобального лидерства. Если в XIX и XX вв. экономическое лидерство, являющееся предпосылкой лидерства политического и военного, однозначно принадлежало сперва Великобритании, а потом США, то в начале XXI в. на роль экономических лидеров помимо США обоснованно претендуют Япония, “тигры” Юго-Восточной Азии, Китай, Европейский Союз и в перспективе, возможно, Индия. Уже сейчас Соединенные Штаты, несмотря на свое политическое и военное доминирование, вынуждены считаться с позицией ЕС, Японии, Южной Кореи, Китая. В связи с этим правомерно предположить, что нынешний этап глобализации есть лишь прелюдия к формированию делегализованной мировой политической системы, полицентричного и полицивилизационного мирового сообщества. Как бы то ни было, эволюционное развитие мировой политической системы, скорее всего, будет сопровождаться все большим усложнением ее организации, включая разделение функций лидерства между различными центрами политической и экономической силы.

Наконец, стоит сказать несколько слов и по поводу “особого отношения” Модельски к России (СССР). Не случайно Россия вообще не упоминается им при описании процесса складывания и развития “ядра глобальной организации”: полития, которая не принадлежит к Европе и никогда всерьез не конфликтовала с мировыми лидерами (за исключением эпизода локальной Крымской войны и периода “холодной войны”), представляет собой крайне неудобный объект для теоретической классификации в рамках его модели. Между тем вся история второй половины XX в. — это история противостояния США и СССР. Казалось бы, СССР и есть “челленджер” текущего цикла. Однако после 1991 г. глобальная война между США и Россией едва ли мыслима, а другого механизм отбора глобального лидера в концепции Дж. Модельски не предусмотрено. Противоречие налицо, а решения у автора, похоже, нет. Поэтому нет и “лишних” упоминаний о России.

Отвергая иные кроме победы в глобальной войне критерии выявления нового (или подтверждения старого) лидерства (например, “превосходство в материальных ресурсах” [Keohane 1984: 14] или “более эффективная система мобилизации ресурсов” [Парсонс 1998: 30; Лапкин, Пантин 1999]), автор сам загоняет себя в логическую ловушку. Ведь победа в глобальной войне лишь легитимирует трансформацию миропорядка, тогда как вся перестройка отношений между субъектами мировой политики происходит в пред-

шествующем этой войне состязании на поприще экономической и политической эффективности. Война — лишь последняя проверка уже фактически вызревшего решения, своего рода финальная сверхзадача, справиться с которой может лишь один — достойный. Но теоретически возможен и иной формат финальной сверхзадачи. Важно лишь, чтобы политическая система претендента на глобальное лидерство была способна обеспечить эффективную мобилизацию ресурсов, необходимых для ее решения.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что концепция Модельски содержит в себе новаторский подход к анализу исторического развития мировой политической системы как единого нелинейного эволюционного процесса, включающего длинные циклы, в рамках которых осуществляется смена лидера. Подобный подход к мировой политике в целом весьма плодотворен, ибо позволяет по-новому взглянуть на политические процессы в разных регионах мира, которые, как правило, исследуются в отрыве друг от друга и без учета глобального контекста. В то же время предложенная Модельски версия такого подхода выглядит лишь неким приближением к адекватному описанию всей сложности развития мировой политической системы, своего рода интеллектуальным вызовом политической науке и новым поколениям исследователей.

- Бжезинский З. 2004. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.
- Закария Ф. 2004. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.
- Ионов И.Н. 2002. Глобальная история: основные направления и существенные особенности. — *Цивилизации. Проблемы глобалистики и глобальной истории*. Вып. 5. М.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. 1999. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы). — *Полис*, № 4.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. 2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.
- Модельски Дж. 2003. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. — *Время мира. Война и геополитика*. Вып. 3. Новосибирск.
- Модельски Дж. 2005а. Эволюция глобальной политики (I). — *Полис*, № 3.
- Модельски Дж. 2005б. Эволюция глобальной политики (II). — *Полис*, № 4.
- Неклесса А.И. 2001. A la carte. — *Полис*, № 3.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития*. Дубна.
- Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ*. М.
- Перес Ш. 1994. *Новый Ближний Восток*. М.
- Полянъ 2002. *Большая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.
- Тодд Э. 2004. *После империи. Pax Americana — начало конца*. М.
- Умов В.И., Лапкин В.В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. — *Полис*, № 4.
- Хаттон У. 2004. *Мир, в котором мы живем*. М.
- Frank A.G. 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, Los Angeles.
- Keohane R. 1984. *After Hegemony*. Princeton.